

— Я разве не говорил? Почему мне кажется, что я всё сказал? — Юнь Цюцзэ поднял голову. Его лоб покраснел оттого, что он только что терся им о столешницу.

— Ты правда ничего не говорил. — Лю Нин взъерошил его растрепанные, выглядящие такими жалкими волосы. — Если что-то гложет, рассказывай брату. Вдвоем думать куда проще, чем одному.

— Да ничего особенного, собственно. Просто я сказал Бо Суну, чтобы он не беспокоился, мол, я регулярно сдаю анализы на ВИЧ. А он, вместо того чтобы понять, вдруг разозлился и заявил, что даже если бы я был болен, он всё равно не побоялся бы меня поцеловать. — Юнь Цюцзэ снова с грохотом уронил голову на стол, да так, что приложил и руку Лю Нина. Сам-то он не пострадал, а вот пальцы Лю Нина чуть не сломал.

— И что потом?

— А потом он взял и поцеловал меня. Какие еще могут быть потом?

Лю Нин опешил настолько, что даже забыл о боли в руке:

— В смысле? Ты о чем?! Он что, нагло воспользовался тобой? Среди бела дня пристаёт к порядочному парню? С виду такой серьезный, а на деле — волк в овечьей шкуре? Ты, ты, ты скажи мне, где он живет? Я должен пойти и разобраться с ним!

Юнь Цюцзэ не обратил на него внимания, продолжая с унылым видом разглядывать носки своих тапок под углом сорока пяти градусов. Лю Нин, глядя на это жалкое зрелище, снова взорвался:

— Да ты, ты ведь не первый раз влюбляешься, чего из-за какого-то волка так расклеился? Выпрямись, я сказал!

— Отвали.

— Нет, ну ты не раскисай так! А знаешь, мне кажется, что этот парень, скорее всего, тоже питает к тебе хоть немного симпатии.

Юнь Цюцзэ поднял голову и уставился на него. От этого взгляда у Лю Нина по спине побежали мурашки, он сглотнул и продолжил:

— Я думаю, это так. Ну вот смотри, мы с тобой близкие друзья, верно? Я иногда шучу, называя тебя своим Сяо Цю. Но если бы мне пришлось тебя поцеловать, я бы просто не смог. Так что если он поцеловал тебя сам, значит, это не просто так.

Юнь Цюцзэ ответил:

— Ты сам сказал, что не смог бы. А вдруг он может?

— Ну и что! Ты ничего не теряешь. Как там говорится? Если кто-то нравится — иди и поцелуй его. Если он тоже к тебе неравнодушен, то всё получится. А если нет — ну и ладно, ты ведь всё равно уже поцеловал.

— Не всё так просто.

Если человек действительно влюблен, одного поцелуя никогда не будет достаточно. Хочется постоянно быть рядом, хочется быть вместе, начинаешь невольно ревновать к каждому, кто к нему приближается. Этого просто невозможно избежать.

Точно так же, когда любишь, хочется во всем ему угодить, при виде чего-то хорошего первым делом вспоминаешь о нем, расстраиваешься из-за его проблем и беспричинно сияешь, когда он счастлив. Это тоже неизбежно.

На следующий день Юнь Цюцзэ, всё еще не в силах оправиться от вчерашнего унижения, решил и взял отгул на три дня, даже не дожидаясь ответа, просто бросил трубку. Он забился под одеяло, словно страус, не желая никуда вылезать, и проспал весь день напролет.

Вечером его разбудила голодная боль в желудке. С копной волос на голове, нехотя, он поплелся на кухню искать хоть что-нибудь съедобное, как вдруг в прихожей раздался звонок.

— Кто это? Нинцзы, это ты? У тебя же есть ключи? — Юнь Цюцзэ удивился: в такое время никто к нему не заходил, да и людей, знающих, где он живет, было немного. Неужели Лю Нин опять потерял ключи?

— Привет. — Стоило открыть дверь, как Юнь Цюцзэ едва не сошел с ума: на пороге стоял Бо Сун.

Почему он здесь?! Юнь Цюцзэ инстинктивно захлопнул дверь прямо перед его носом, и улыбка на лице Бо Суна застыла, не успев расцвести.

А закрыл дверь он потому, что был в одних трусах, завернувшись в плед от компьютера, а на лице — засохшие слюни от долгого сна. Не говоря уже о волосах, которые после сна с влажной головой торчали во все стороны, как после взрыва. В общем, выглядел он крайне нелепо и неряшливо.

Юнь Цюцзэ пулей метнулся в спальню, натянул одежду, потратил три минуты на умывание и попытки пригладить волосы, посмотрелся в зеркало, убедился, что больше не выглядит как пугало, и снова открыл дверь.

— Прости, пожалуйста! Не ожидал тебя увидеть. Проходи, присаживайся.

Бо Сун добродушно улыбнулся:

— Ничего страшного, это я нагрянул внезапно.

— Как ты узнал, на каком я этаже? — Юнь Цюцзэ пригласил его на диван и заварил чай.

Бо Сун поставил на стол несколько пластиковых пакетов:

— Услышал от Бо Цина, что ты взял отгул на несколько дней. Забеспокоился, позвонил в школу, узнал адрес и решил заехать проведать.

— Ох... Да просто что-то неважно себя почувствовал, вот и не пошел. — Юнь Цюцзэ смущенно взъерошил волосы. Он не ожидал, что Бо Сун приедет, а после вчерашнего позора смотреть ему в глаза было как-то совсем неловко.

— Неважно себя чувствуешь? Простудился? — Бо Сун подался вперед и приложил ладонь ко лбу Юнь Цюцзэ. Его рука была горячей, тепло приятно разливалось по коже.

— Нет... просто... немного приболел, посплю и станет лучше. — Не мог же он признаться, что вчера его так приложило, что сегодня не хотелось даже с кровати вставать! Это было бы еще позорнее.

— Ты ел?

— Еще нет, только собирался приготовить.

— Вот и отлично. — Бо Сун указал на пакеты. — Не знал, что ты любишь, взял немного раков и лепешки. Если не любишь острое — не беда, я еще взял рис с добавками.

Юнь Цюцзэ заторопился:

— Ты приехал меня проведать, мне уже неловко, а ты еще столько всего привез.

— Вчера мы договорились поужинать, но в итоге ни разу не поели, да еще и приключилась такая неприятность. Пусть сегодняшний ужин будет в качестве извинения. Не верю, что мы не сможем нормально поесть.

Разумеется, Бо Сун приехал не ради еды. Вчера, когда он провожал Юнь Цюцзэ, тот был настолько расстроен, что у ворот жилого комплекса наотрез отказался от дальнейшей помощи,

выглядел таким поникшим и жалким.

Вернувшись домой, Бо Сун места себе не находил от беспокойства. Сначала подумал, что он взрослый человек, ничего страшного не случится, но потом Бо Цин вернулся из школы и сказал, что учитель заболел и взял отгул на три дня. Тогда Бо Сун уже не смог усидеть на месте: узнал адрес, приехал, а по пути купил еды, чтобы не приходиться с пустыми руками.

У него было много друзей, но после того, как он начал работать, большинство контактов ограничивалось такими людьми, как Цянь Ху, с которыми связывали только дела. Друзей помладше, как Юнь Цюцзэ, было совсем мало. Если посчитать, тот оказался на семь лет младше него. Эта разница в возрасте заставляла Бо Суна относиться к нему как к ребенку, нуждающемуся в заботе, совсем как Бо Цин. Хотя, конечно, Юнь Цюцзэ был совсем не таким невыносимым, как этот сорванец.

Ему нравился Юнь Цюцзэ. С ним было очень легко общаться, не нужно было гадать, есть ли в словах какой-то скрытый подтекст или ловушка. Юнь Цюцзэ, хоть и вышел в большой мир, оставался учителем, круг его общения был узок, а сам он — чист и наивен. Общение с ним дарило Бо Суну редкое чувство, что дружба не должна быть утомительной, поэтому он искренне дорожил этим парнем.

Вчерашняя неразбериха вызвала у него неловкость. Он знал, что Юнь Цюцзэ — натура тонкая, может долго переживать из-за пустяков. Бо Сун хотел просто поужинать, чтобы тот не принимал близко к сердцу слова о глазах Бо Цина, а вышло так, что добавил еще один повод для беспокойства. Он понимал, что если сам не начнет разговор, Юнь Цюцзэ будет прятаться и молчать. Бо Сун был старше, поэтому должен был взять инициативу на себя, иначе это было бы не по-мужски.

— Прости за вчерашнее. Я не знал, что у тебя есть старые счеты с Цянь Жуем, — сказал Бо Сун, высыпая горячих раков в миску.

Юнь Цюцзэ замер:

— Ничего страшного. Незнание — не порок. Я и сам не думал, что мир настолько тесен, а враги встречаются так часто.

— Не бери в голову.

— Да нет, это было давно. Тогда я был слишком юн и не понимал, кому и что можно говорить. Искренне считал кого-то другом, не задумываясь, что я из себя представляю. Сейчас я таких ошибок больше не совершу.

— Не говори ерунды. Это его вина, что он не ценил такого друга, как ты. Не взваливай всё на себя.

Юнь Цюцзэ покачал головой:

— То, что не соответствует общепринятым нормам, обречено на гибель. Если ты сам не такой, как все, нечего винить других в пренебрежении.

Оказывается, он всё еще очень переживает, подумал Юнь Цюцзэ.

Ему было плевать на то, что говорят незнакомцы, ведь их суждения поверхностны, они просто повторяют чужие слова, не зная его настоящего. Но он не понимал, почему его друзья — или, вернее, бывшие друзья — способны на такие оскорбления. Он всё еще был уязвим перед мнением тех, кому когда-то доверял.

Если чем ближе люди, тем больнее они могут ударить, то почему же, будучи такими близкими, они все равно вонзали ему нож в спину? Неужели чувства значат меньше, чем врожденная ориентация?

Он был уже изранен незнакомцами, так зачем же те, кого он называл братьями, нанесли новый удар? Чтобы убедиться, что он умер окончательно?

Бо Сун забрал у него палочки и принудительно взял за подбородок, заставляя поднять голову:

— Кто сказал, что ты не такой?

— А ты считаешь, что я нормальный? — спросил Юнь Цюцзэ.

— Ты совершенно нормальный, — глядя ему прямо в глаза, по слогам произнес Бо Сун.

Юнь Цюцзэ вздохнул:

— А если я скажу, что люблю тебя, ты все еще будешь считать меня нормальным?

<http://bllate.org/book/19777/1948645>